

- ⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. С.41.
⁵ Там же. С.39.
⁶ Бердяев Н.А. Мое философское мировоззрение. С.23.
⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. С.17.
⁸ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. М., 1990. Т.2. Ч.2. С.60.
⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. С.102.
¹⁰ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // Философия свободного духа. М., 1994. С.249.
¹¹ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.71.
¹² Там же. С.133–134.
¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. С.205.
¹⁴ См.: Мейер А.А. Новое религиозное сознание // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.281.
¹⁵ Бердяев Н.А. Мое философское мировоззрение. С.25.
¹⁶ Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.285.
¹⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.302.
¹⁸ Там же. С.328.
¹⁹ Там же. С.341.
²⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.311.
²¹ Зеньковский В.В. Проблема творчества. С.298.

УДК 1:001

МЕСТО И РОЛЬ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ОБЪЕКТНОСТИ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ НАУКИ

В.Т. Фаритов

Ульяновский технический университет
E-mail: vfar@mail.ru

Статья посвящена анализу одного из определяющих компонентов онтологического основания науки – сферы трансцендентной миру объектности. Адресована специалистам в области философии и философии науки.

Ключевые слова: онтологическое основание, трансцендентная объектность, мир, сущее.

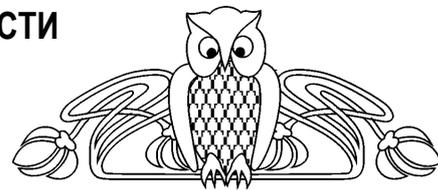
The Place and a Role Transcendental Objectivity in the Ontologic Basis of a Science

V.T. Faritov

The article is devoted to the analysis of one of determining components of the ontologic basis of a science – spheres transcendental to the world objectivity. Article is addressed to experts in the field of philosophy and philosophy of a science.

Key words: ontologic basis, transcendental objectivity, world, real.

Задача предлагаемой статьи состоит в исследовании *онтологической структуры и онтологического основания науки*. Сама формулировка задачи указывает на то, что исследование проводится не в рамках логико-методологического и социокультурного подходов, а в контексте, предполагающем определение науки не как когнитивного образования или социального института, но как *модуса бытия*. Преимущество онтологического подхода состоит в возможности раскрытия науки в её *феноменальной самоданности*, т.е. в своём собственном бытии.

Как было показано Э. Гуссерлем, а затем М. Хайдеггером, возникновение научной установки связано с модификацией повседневного, практически ориентированного и исходящего из горизонта наличной ситуации способа раскрытия мира и сущего. Вследствие этой модификации сущее получает статус самодостаточного изолированного *объекта*, что означает разрыв связи с миром повседневного опыта: отдельная вещь раскрывается на *фоне* ничего не значащих в *данный актуальный* момент объектов. Тем самым объективированное сущее выступает трансцендентным по отношению к миру повседневного опыта, но сохраняет имманентность по отношению к миру как совокупности изолированных и самотождественных объектов. Это уже не мир непосредственного практического обхождения с сущим, но мир, в котором господствует теоретическая установка, рассматривающая всё, что есть, в качестве объектов. Совокупность автономных, изъятых из своего повседневного употребления изолированных объектов мы определяем как сферу имманентной объектности. Именно она есть онтологическая основа научной установки – в противоположность естествен-

ной установке (используя феноменологическую терминологию).

Заслуга выявления и всестороннего анализа феномена объективации сущего как основы научной установки, как известно, принадлежит Хайдеггеру. Однако дальше этого Хайдеггер в своём феноменолого-онтологическом анализе науки не идёт. Проблема состоит в том, что объективация сущего представляет собой *только первую ступень*, первый компонент онтологического основания науки.

Для оформления науки в том виде, в каком она известна с Нового времени и до сегодняшних дней, требуется ещё одна ступень онтологического генезиса. Именно эта вторая ступень имеет решающее значение для науки как особого модуса человеческого бытия. Поясним это утверждение.

Первичная ступень формирования научной установки состоит в появлении изолированного объекта на недифференцированном фоне мира (мира-вообще, в противоположность миру повседневного опыта, привязанного к конкретной ситуации). Примером такого объекта может выступать физическое тело. Молоток, дерево, чашка, выделенные из мира повседневного опыта, изъятые из своего практического употребления, есть физические тела, находящиеся в пространстве-времени, осязаемые, протяжённые, непроницаемые и т.п. Они, однако, всё ещё *объекты мира* – хотя и модифицированного в абстрактный мир-вообще.

Совершенно другой вид объектности конституируется на второй ступени онтологического основания научной установки. Здесь осуществляется трансцендирование имманентной объектности к лежащей за пределами мира-вообще области, представленной такими объектами, как элементарные частицы, молекулы ДНК, архетипы коллективного бессознательного, фонемы. Совокупность объектов данного типа образует особую сферу объектности, которая характеризуется специфическими чертами.

Данная сфера *выходит за пределы как мира повседневного опыта, так и мира-вообще*. Если физическое тело как имманентный объект обнаруживается на фоне ми-

ра и как *модификация изначальных структур этого мира*, то объекты второй ступени отстранения принципиально необнаружимы в мире, так как не являются результатом модификации сущего практического обихода в изолированный объект. Эти объекты *трансцендентны миру*. Они существуют в особом, им одним присущем пространстве, которое раскрывается как находящееся по ту сторону мира, за его пределами. Поэтому данный вид объектности будет называться здесь *трансцендентной объектностью*.

В качестве примера разграничения сфер имманентной и трансцендентной объектностей можно привести предметные сферы анатомии и микробиологии. Так, внутренние органы, например сердце, принадлежат к сфере имманентной миру объектности. Первоначально сердце – не объект анатомии, но продукт питания или символ, богатый самыми разнообразными смысловыми коннотациями, вписывающими его в прочную сеть мира повседневного опыта (разбитое сердце, пылающее сердце, каменное сердце и т.п.). Только через нивелирование всех этих смысловых отсылок сердце раскрывается как имманентный миру объект, выступающий на фоне абстрактного мира-вообще. Совсем другое дело – клетки и молекулы ДНК, из которых состоят все органы и ткани организма. Это – сфера трансцендентной миру объектности, поскольку она не только необнаружима в мире, но с ней и невозможно какое-либо практическое обхождение в горизонте мира повседневного опыта.

В традиционных позитивистски ориентированных подходах к осмыслению науки речь идёт не о трансцендентной и имманентной объектностях, но о теоретических и эмпирических объектах. В частности, в концепции В.С. Стёпина вводится разграничение абстрактных объектов теоретической схемы и эмпирических объектов: «Эмпирические объекты представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта. Они являются определёнными схематизациями фрагментов реального мира. Любой признак, «носителем» которого является эмпирический объект, может быть найден у соответствующих ему реальных предметов

<...> Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности”. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект»¹.

Может создаться впечатление, что предлагаемое в данном исследовании разграничение трансцендентной и имманентной объектностей непосредственно соотносится с концепцией Стёпина – так же, как и трансцендентная объектность, теоретические объекты не могут существовать в качестве реальных объектов мира. Однако это внешнее сходство утрачивает своё значение при учёте кардинальных различий концептуальных горизонтов, на которых базируются концепция Стёпина и наша. Трансцендентная объектность не есть идеализация, так же, как имманентная объектность не есть абстракция. Данное исследование исходит *не из теории познания*, но *из онтологии*, и определяющим фактором здесь является отношение сферы объектности *к миру*, а не *к познанию* (как в позитивистских подходах). Поэтому такие теоретико-познавательные конструкции, как идеализация и абстракция, для настоящего исследования не релевантны. Речь идет не о различных подходах к одной и той же проблеме, но о принципиально различных проблемах – логической структуре науки как модуса познания и онтологическом основании науки как модуса бытия.

С образованием сферы трансцендентной объектности имманентная объектность подвергается модификации – *она приобретает статус бытийной формы слоя объективной, абстрактной реальности*, а содержанием этого слоя становится трансцендентная объектность. Имманентная объектность становится той сферой, которая указывает на нечто, лежащее по ту сторону и за пределами её – как на своё предельное основание, наделяющее её смыслом и бытием. Как таковая имманентная объектность теперь нуждается в расшифровке, – отсюда берут своё начало специфические языки и методы науки.

Чем более последовательно сфера имманентной объектности возводится к трансцендентной объектности как к своему предельному основанию, тем более застывшей и окаменевшей-в-себе она становится. И тем больше усилий требуется, чтобы выйти из этой застывшей сферы к истинному по-себе-бытию (т.е. к сфере трансцендентной объектности). Для этого и создаются специальные методы и специальный язык, посредством которых, однако, сфера имманентной объектности только прогрессирует в своём уплотнении, так как методы и язык науки способствуют *фиксации бытия этой сферы в качестве означающего слоя*. Раскрываясь как означающий слой бытия, в основе которого лежит трансцендентная объектность (означаемое), сфера имманентной объектности больше не обнаруживает своего генетического родства с миром повседневного опыта.

Из превращения имманентной объектности в особый бытийный слой означающего берёт свой исток и вычленение отдельных предметных областей науки. Они не могут быть результатом простого упорядочивания и классификации сферы имманентной объектности, так как она сама по себе не даёт основания для установления предметных областей. Отношения имманентной и трансцендентной сфер по типу «форма – содержание» выступает в качестве первичного основания вычленения предметных областей.

Например, сущее «человек» может быть раскрыто и как физическое тело, и как биологический организм, и как психосоциальный индивид. Каждая предметная область задаёт свой *специфический горизонт*, на котором имманентный объект может быть раскрыт именно как объект данной области. Этот горизонт задаётся на основе трансцендентной объектности, так как именно в этой сфере выявляются те содержания, по отношению к которым имманентные объекты будут раскрываться как означающие.

Поскольку мир с раскрытием сферы трансцендентной объектности становится слоем означающего бытия, скрывающим в себе другое, истинное бытие, он сам предстаёт как препятствие, которое нужно преодолеть, чтобы обрести истинное бытие. Об

этом, хотя используя другую терминологию и из другого концептуального горизонта, пишет Гуссерль в «Кризисе европейских наук». Согласно ему, наука отрывается от жизненного мира, который представляет собой основу и почву её существования, и заслоняет этот мир собой как сферой истинного по-себе-бытия: «Контраст между субъективностью жизненного мира и “объективным”, “истинным” миром заключается лишь в том, что последний представляет собой теоретико-логическую субструкцию, охватывающую то, что принципиально невоспринимаемо, принципиально непознаваемо в опыте, в своём самостном бытии [Selbstsein], тогда как субъективное жизненного мира целиком и по отдельности отмечено как раз своей действительной опытной познаваемостью»². В принятой терминологии это истинное по-себе-бытие есть сфера трансцендентной миру объектности.

А поскольку это истинное бытие есть *абсолютное Иное* по отношению к человеческому бытию, к миру повседневного опыта как исходной сферы экзистирования человеческого бытия, постольку последние следы человеческого бытия являются здесь тем препятствием, которое нужно преодолеть.

Итак, обобщая сказанное и подводя итоги, отметим, что наука в *феноменологическом понимании*, т.е. как самостоятельный модус человеческого бытия возникает с установлением сферы трансцендентной миру

объектности, раскрывающейся в качестве основания имманентной миру объектности. Она представляется в качестве особого слоя означающего бытия, означаемое которого – трансцендентная объектность. Другими словами, наука становится модусом отстранения человеческого бытия к абсолютному Иному – к тому, что максимально удалено от бытийной сферы собственно человеческого бытия (от мира повседневного опыта) и принципиально в ней не обнаружимо. Таким образом, онтологическая структура науки носит принципиально *метафизический характер*. Данный факт был выявлен также позитивизмом. Однако если представители и последователи эмпириокритицизма были убеждены в необходимости, а главное, возможности «очищения» научного знания от метафизики, то мы, напротив, рассматриваем метафизическую компоненту как сущностную характеристику феномена науки. Наука была и будет в своей основе вариантом метафизики, поскольку невозможно устранить сферу трансцендентной миру объектности, не разрушив одновременно всё здание научного познания, возведённое на этом фундаменте.

Примечания

¹ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С.104.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С.174.